

Боженев И.

Диалоги со Смертью

Часть I

Игорь Александрович Боженков

Диалоги со Смертью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42653079

SelfPub; 2019

Аннотация

История о жизни и смерти, творчестве и творении. Смерть способна забирать жизнь, но не способна дать ее.. или же нет?

Диалог первый

– Посмотри на звезды. Что они говорят тебе? Последнее слово, облеченное в форму, последняя надежда, сродни последнему островку счастья, среди моря бед и лишений? Знаешь, чего ты лишен, поэт? Надежды. Веры. Любви... Хотя – Смерть замялась. – Пожалуй, любви ты все-таки не лишен. Так ты называешь чувство, гнездящееся в груди, сжигающее до основания твое нутро, но которое ты почему-то упорно именуешь любовью. Ответишь мне, что для тебя любовь? И желательно прозой, очень тебя прошу.

Человек в черном костюме, деловито поправил бабочку, оглянувшись, будто выискивая в комнате посторонних людей, казалось бы, совсем не замечая потусторонних. Погладив реденькие усы, закрывающие, в лучшем случае, небольшую часть лица под орлиным, греческим носом, он обернулся к открытому окну. Там светили яркие звезды, мигали, мерцали, меркли... Меркли перед его мыслями. Было желание сбросить с себя пиджак цвета предрассветного сумрака, хотя цвет его, он точно помнил, был черным еще час назад. Наверное, на улице рассветет скоро, но почему-то звезды еще видны.

– Ты первый раз пришла ко мне. Не к людям, которых я знал, не к чужим, не к моим. Пришла ко мне, чтобы поговорить? Давай. Я слышал, поэты могут общаться с тобой, оставаясь внешне живыми. Интересно узнать, правда ли это.

Голос из темного угла, в котором, казалось, стоял стул, а

может быть, стол. В темноте было не разобрать.

– Ты считаешь себя живым? Скажи, ты давно выходил на улицу? Дышал воздухом, землей после дождя? Давно ощущал грязь на туфлях, после очередной прогулки? Или ты думаешь что жив, только потому-что дышишь? Вспомни микроорганизмы, открытые вашими же учеными, мужами ума и старания.. Некоторые из них не нуждаются в кислороде, и никто из них не нуждается в дыхании, как в процессе. Не смотри на меня глазами шизофреника, которому только-что сказали, что у него шизофрения. Мог бы догадаться, что я умею читать мысли. Если ты думаешь что ты жив, потому что ешь, тут тоже можно много спорить. Но я не хочу. Нет настроения.

Человек в костюме рассмеялся. Отвел глаза от темного угла к окну. Подул легкий летний ветерок. Голос со стороны угла стал немного насмешливым, но оставался все таким же холодным.

– Смех в лицо смерти? Ты удивляешь меня, поэт. Хотя.. у меня, вообще-то, нет лица. Я многолика, как и мой антипод. Да и употреблять правила русский языка, правила обращения и системой родов и прочей чепухой, думается мне, неуместно, когда речь идет обо мне. Обращайся ко мне, как тебе удобнее. Ты мужчина, потому, я думаю, ближе тебе будет... а, впрочем, неважно что я думаю. Я, как и ты, пришел сюда поговорить. Так говори. Я выслушаю тебя. Только снова попрошу, не стихами. Знаешь, сколько стихов я прочла,

когда их писали в настроении, как я это называю, «предсмертия». Прости за неологизм, слышал, поэты не любят, когда кто-то кроме них вносит в язык свои коррективы.

– Угу. А я, к тому же, не люблю общаться с гермафродитом. Определись уже, наконец, кто ты.

Голос со стороны угла стал печальным.

– А это так уж важно? Не расстраивай меня раньше времени, поэт, иначе наш разговор закончится слишком рано, и ты расстроишь меня еще больше. Ты вроде бы интересен, не пуст. Тебя интересует не только жизнь с ее суетой и проблемами. Что еще тебя интересует, поэт? Скажи мне.

Человек в костюме встал, снова посмотрел в темный угол. Поднял с пола брошенный блокнот и ручку. Подняв глаза, он готов был поклясться, что видел, как ветер, развевая шторы, занес к нему в комнату бумажку. Живя на четвертом этаже, ожидать такого было трудно. Поэт и не ожидал. От неожиданности, он снова плюхнулся в кресло.

Голос со стороны угла снова получил нотку сарказма.

– Опять стихи? А впрочем, какая разница. Можешь даже побеседовать со мной стихами, если хочешь. В конце концов, ты поэт, и возможно, хочешь успеть написать их еще. А я тебе мешаю. Пожалуй, не буду. Забуду, на эти несколько часов, про ненависть к поэзии, и послушаю тебя.

– А вот из твоей последней фразы, и проистекает мой первый вопрос. И задам его, если ты не против, все таки прозой.

– Валяй.

– Откуда ненависть к поэзии? Тебя в ней воспевают чаще, чем где бы то ни было.

– В религии больше.

Поэт согласно кивнул. Почесал ручкой за мочкой уха.

– Но ее я тоже не люблю. Ненависть, поэт, она многолика. Как и я. Поэтому вот ненависть я люблю. Да... Эй, ты, виршеплет, убери ручку от блокнота. Попытаешься записать наш разговор, и я его тотчас окончу. Ударом косой по твоей голове.

Поэт вложил в блокнотик ручку, прикрыл его, и отложил на подоконник.

– Так оно лучше. Так вот, я все таки отвечу тебе... Поэзию я не люблю, потому что она.... Дает надежду. А с людьми, которые полны надежды, я говорить не могу. А знаешь, как иногда хочется перекинуться парой слов с таким вот типом, вроде тебя. И тем мне удивительнее, что ты поэт, а мы все равно говорим. Как я говорил сотни раз до этого, с поэтами вроде тебя. Всегда, год за годом, день за днем. Поэты, как и все люди, уходят. Оставляя за собой надежду. И за это я вас люблю.

Поэт округлил глаза, насколько мог. Получилось, конечно, фальшивенько, но он просто привык ни чему не удивляться в жизни, потому спонтанно удивиться по настоящему удивительной вещи не мог, даже если бы хотел. А сейчас, он очень и очень хотел удивиться. И сделал это усилием лицевых мышц. Голос из темного угла изменил интонацию на

более мягкую.

– И в чем дело? Тебя удивляет, что я кого-то люблю? Не обольщайся, это метафора, я слышал, поэты лучше понимают именно так.

– Дело не в этом. Ты сказал пару минут назад, что не любишь надежду, потому что с людьми, полными ее, тебе не удастся побеседовать по душам. Теперь ты говоришь, что любишь поэтов, за то, что они оставляют за собой надежду. Где логика?

– Логика? Пф. Если судить, исходя из логики времени и пространства, мы с тобой говорить не можем. Ты еще не умер, а я уже...

– Уже что? Только не говори, что смерть умирает тоже. И кто-то жил, прежде чем стать смертью.

– Наивный, наивный поэт. Но, в то же время, мудрый, хотя и не подозревает об этом. Смерть умирает, о да. Но всегда возрождается. Только не исходи сейчас из логики, и не задавай глупый вопрос, вроде «Не значит ли это, что смерть можно одолеть навсегда». Все равно не отвечу.

– Значит, ответ все-таки существует? И, если бы это было «нет», ты бы просто рассмеявшись мне в лицо, сказал его. Но ты не говоришь, отказываешься говорить на эту тему. В чем причина?

– А, да иди ты к черту со своей логикой. Лучше напиши какой-нибудь стих. Мне скучно, а я люблю, кроме разговоров, развлекаться критикой поэзии.

Поэт улыбнулся, взяв блокнот с подоконника, поднялся с кресел. Раскрыв блокнот, написал несколько строк. Осекся, боязливо оглядываясь на темный угол.

– Думаешь, что я прочитаю стих в твоих мыслях до его появления на свет? Нет, не буду. Так не интересно, я просто не смогу сдержаться, чтобы не поправить тебя еще в момент написания. А если так, то не будет никакой критики. Поэтому, спокойно пиши. А я пока пойду. Есть еще люди, с кем нужно поговорить, чтобы они не ощущали себя одинокими. До завтра, поэт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.